

Евгений Деменок

Мои Винограды

Конечно, никакие они не «мои». Я лишь один из тех счастливых, которым повезло на каком-то жизненном этапе оказаться в этом, пожалуй, лучшем пражском районе.

Вообще, фаворитов у меня трое – помимо Виноград это Карлин, так напоминающий местами родную Одессу, и Мала Страна, которая прекрасна своей ажурной барочностью и легкой атмосферой.

Но Винограды – это золотая середина. Центр города, но почти без туристов; удобное и приспособленное для жизни место, при этом до краев наполненное историей.

Вот это и является для меня самым важным. Все соседние с нашим домом улицы усеяны системой знаков – известных лишь мне или доступных всем; по ним я часто прокладываю свой путь, делая совершенно рутинные дела.

Я разделяю все прогулки на два условных круга – малый и большой. Как, например, малый и большой винные круги в Одессе. Или, если угодно, малый и большой круги кровообращения.

Когда я выхожу из дому в соседний вьетнамский магазин, обязательно смотрю на дом, что стоит напротив него, через перекресток наискосок. В 1900-х здесь была мастерская художника Войтеха Прейссига, одного из главных графиков Первой республики, друга Альфонса Мухи и создателя журнала «Česká grafika». Тут же выросла его дочь Ирена. Оба они после аннексии страны нацистами и образования протектората начали активно бороться с оккупантами. Прейссиг стал одним из организаторов выпуска нелегального журнала «V boj», жена с дочерьми помогали ему.

Первый номер журнала вышел в апреле 1939-го, а уже в ноябре того же года другой основатель журнала, Йозеф Шкалда, был арестован гестапо и приговорен к смертной казни. Его расстреляли в 1942 году в Берлине. Прейссиг с дочерью, продолжившие, несмотря ни на что, издавать журнал, были арестованы в 1940-м. Сам художник погиб в 1944 году в Дахау; его дочь Ирена была, как и Шкалда, расстреляна в 1942 году в Берлине. На доме номер семь по улице Ходской нет никакой таблички, она установлена на доме 944 по улице Jihovýchodní, где семья Прейссиг жила во время протектората, но для меня дом на Ходской навсегда связан с ними. А мемориальная доска Йозефу Шкалде установлена всего в двух кварталах ниже Ходской, на доме номер 14 по улице Будечской...

Когда я веду дочку на гимнастику на соседнюю Словенску, обязательно подхожу к вилле Ладислава Шалоуна, которую он построил себе после победы на конкурсе по созданию памятника Яну Гусу – памятник был слишком велик, и в прежней мастерской не хватало места. Говорят, тут, в подвале, Шалоун

проводил спиритические сеансы, на которых бывали чуть ли не все пражские знаменитости – Альфонс Муха, Эма Дестинова, Ян Кубелик, Франтишек Билек, Алоис Йирасек. Фисташково-золотой цвет фасада в солнечные дни выглядит великолепно, и в золотом свете, льющемся сквозь огромные окна, оказавшись внутри, можно просто купаться, а барельеф у входа с обнаженными мужчиной и женщиной сводит меня с ума своей утонченной эстетикой. Даже странно, как в таком радостном месте Шалоун создал огромную мрачную скульптуру восходящего на костер Гуса, которая стала, пожалуй, самым знаменитым его творением, – хотя я, по правде, больше всего люблю у него ростовой скульптурный портрет великого Мирослава Тырша, и каждый практически день, проезжая мимо, люблюсь созданными им же обнаженными женскими скульптурами на фасаде Центрального вокзала. Когда в Триесте у здания банка «Прага», построенного великим Освальдом Поливкой, я увидел две скульптуры Шалоуна, то радовался так, словно встретил в далеком краю старого знакомого. Шалоун часто сотрудничал с Поливкой – еще одним примером является фигура рабби Лева, знаменитого Махараля, создателя Голема, возле здания, построенного Поливкой пражской мэрии.

Тут же, на соседней Градешинской улице, куда я часто выхожу вечерами на короткие прогулки, стоит массивная, но неброская виλλα великого архитектора Яна Котеры, лидера чешской модернистской архитектуры. Талантливый юноша, провинциал со строгим и цепким взглядом был быстро замечен бароном Иоганном Младотой из Солописка, камергером и владельцем нескольких замков. Вместе с инженером Фрейном барон профинансировал учебу Котеры в Венской академии изящных искусств – именно там тот познакомился с Йозефом Плечником и Адольфом Лоосом. Вернувшись в Прагу, Котера стал профессором созданной при Академии изящных искусств специальной архитектурной школы – его учениками были великие Йозеф Гочар и Павел Янак. Котера реализовал десятки проектов, среди которых здание юридического факультета Карлова университета, Музей Восточной Чехии в Градце Кралове, легендарный Моцартеум... Что говорить – великий Томаш Батя заказал постройку своей виллы в Злине именно ему. В доме Котеры, внешне даже невзрачном,

намеренно созданном без декоративных элементов, живут сейчас несколько семей. Знают ли они, кому обязаны своим жилищем? Понимают ли его уникальность?

Наискосок от Котеровой виллы, на доме номер девять, установлена мемориальная доска Виктору Фелберу – первому чешскому доктору технических наук, профессору технической механики, ректору Чешского технического университета в Праге. Доска эта, которую вряд ли замечают идущие или проезжающие по всегда немногочленной улочке, вызывает целую цепочку воспоминаний о роковых событиях чешской истории.

Виктор Фелбер был человеком требовательным и неуживчивым, из-за чего досрочно вышел на пенсию. Случилось это в 1935 году, а спустя несколько лет, когда нацисты оккупировали Чехию, он стал участником Национального революционного комитета интеллигенции – вместе с Юлиусом Фучиком, Владиславом Ванчурой и многими другими. Участвовал в работе комитета и сын Фелбера Юлиус. 1 июня 1942 года, в один день с Владиславом Ванчурой, которого многие в то время считали лучшим чешским писателем, отец и сын Фелберы были расстреляны на полигоне в Кобылисах. Тогда, после покушения на Гейдриха, нацисты принялись убивать чешских интеллигентов – людей искусства, ученых, представителей церкви. Епископ православной церкви Горазд, признанный святым, был казнен там же.

Шок от казни известных на всю страну деятелей культуры, и в первую очередь Ванчуры, был сильнейшим. На это и был расчет – месть за Гейдриха должна была быть такой жестокой, чтобы

ни у кого больше не было даже мыслей о сопротивлении. Будущий нобелевский лауреат, поэт Ярослав Сейферт вспоминал: «Я слишком хорошо помню тот вечер. Владислав Ванчура был арестован и подвергался пыткам гестапо в течение нескольких недель. Мы сидели, дрожа, у радио, чтобы услышать новости о новых мерах нацистов и убийствах, которые они обещали. Когда имя Ванчуры прозвучало среди первых имен казненных, мы вскочили со стульев, словно выброшенные со своих мест от ужаса, и замерли, затаив дыхание. Владислав Ванчура! В этом имени отразилось все наше поколение, в нем была судьба всех нас. От этого имени вся наша страна была кроваво ранена».

Кровавых ран в ту войну было огромное множество. Дом номер один по той же Градешинской, что стоит наискосок от виллы Котеры, – бывшая вилла великого изобретателя и инженера Эмиля Колбена, друга Эдисона и Теслы, одного из главных чешских предпринимателей довоенного периода. По масштабу и размаху его можно сравнить разве что с Эмилем Шкодой и Томашем Батей. После окончания Чешского технического университета Колбен уехал в США, где работал главным инженером у Эдисона в легендарной «Edison General Electric Company». Но главной американской встречей стала для него встреча с Николой Теслой, который, кстати, изучал математику и физику в Карловом университете. Тесла вовлек Колбена в свои эксперименты с переменным током, и Колбен стал на всю жизнь его апологетом. Уйдя от Эдисона, Колбен, в отличие от Теслы, сохранил с ним прекрасные отношения – тот даже приехал в 1911 году по приглашению Колбена в Прагу. Сам Колбен, вернувшись в Богемию, основал свою знаменитую «Колбенку», электротехнический завод, и в 1907 году вместе с заводом Франца Рингхоффера открыл завод по производству автомобилей «Praga». Слава его была такой, что он был дважды лично принят императором Францем Иосифом. Уже в 1920-х корпорация Колбена объединилась с фирмой Ченека Данека – так появилась ČKD, главная чехословацкая машиностроительная компания. ČKD выпускала самолеты, танки, троллейбусы и даже посудомоечные машины. Все трамваи, известные нам с советских времен, выпущены именно ČKD.

В самом конце XIX века семья Колбенов переехала на Винограды, в эту самую виллу на Градешинской, которая называлась «красной» из-за цвета кирпича. В желтый цвет ее перекрасили совсем недавно, в 2014-м.

В середине 1930-х Колбену неоднократно предлагали уехать из Праги – он был евреем, а политика нацистов ни для кого не была секретом. Он раз за разом отказывался, полагая, что человека такого уровня не тронут. С ним оставались его дети и внуки – лишь одна из дочерей уехала в Британию. Увы, Эмиль Колбен жестоко ошибся. Сразу после прихода в Чехословакию нацисты заставили его продать все компании, а в июне 1943 года их с сыном, дочерью и внуком отправили в Терезин. Колбен сопротивлялся, и его просто вынесли из дома на носилках. Через три недели он умер.

Двадцать пять членов семьи Эмиля Колбена погибли во время Холокоста. Его брат и две сестры в Странчицах совершили

самоубийство, чтобы избежать отправки в концлагерь. Живым из Терезина вернулся лишь внук Колбена Йиндржих. И как цинично, что во время нацистской оккупации часть нынешней Колбеновой улицы называлась Kolbenwerkstraße...

О тех событиях напоминает сейчас лишь небольшая мемориальная доска на стене Колбеновой виллы.

Такие напоминания можно найти почти на каждой улице, каждом квартале. С коротких прогулок по «малому кругу» я обычно возвращаюсь домой по улице Lužická, на которой напротив дома с памятной табличкой «последнего адреса» украинского публициста и библиотекаря Петра Зленко, арестованного СМЕРШем в июле 1945 года и погибшего в Озерлаге, расположен дом с целыми девятью «камями преткновения» у входа – оттуда в концлагеря были увезены семьи Сойка и Крафт. Вся семья Сойковых была убита в концлагере в Малом Тростенце; самому младшему из них, Петру, было

всего четыре года... Два других Stolpersteine – кварталом ниже по нашей улице Ходской, у входа в дом номер три. Отсюда летом 1942 года увезли в Терезин Эмиля и Марту Гут. В 1944-м из Терезина их отправили в Освенцим, где они погибли, – типичный маршрут для пражских евреев...

Но Винограды – это целый мир, в котором, как в жизни любого из нас, трагическое переплетается с радостным и забавным.

Например, ровно в квартале от виллы Колбена, у входа в здание PRE на Дукова, установлен бюст еще одного великого чешского инженера, «чешского Эдисона» Франтишека Кржижика. В отличие от Колбена, Кржижик на всю жизнь остался приверженцем постоянного тока. Мы с друзьями шутим, что примирить их с Колбеном смогли бы, пожалуй, только австралийцы из группы AC/DC.

Ровно посредине между Колбенем и Кржижиком, напротив бывших Безручовых, а сегодня садов братьев Чапек, расположен Husův sbor, молитвенный зал Чехословацкой гуситской церкви, колокольня которого с установленной на самом ее верху чашей доминирует над всеми окрестностями. Построил его в начале 1930-х великий Павел Янак, гуру функционализма, сотрудничавший одно время с Котерой и друживший с Йозефом Гочаром. Список спроектированных Янаком объектов впечатляет не меньше, чем насле-

дие Поливки. Например, Главкув и Либеньский мосты – его рук дело, так же, как Palác Adria, Škodův palác или, например, целый район функционалистских вилл Osada Baba. Во время Пражского восстания в здании церкви работала радиостудия, которая с 7 по 9 мая транслировала новости и призывы о помощи восстанию. Сейчас об этом напоминает мемориальная доска.

Именно здесь, на стене гуситской церкви, в увитом плющом окошке с объявлениями я увидел прошлым летом цитату из «Ассизских хроник» Романа Брандштеттера, распечатанную на наполовину выцветшем, наполовину пожелтевшем от воды листе бумаги. Тогда я и понятия не имел, что это цитата именно из Брандштеттера, да и о нем самом, польском еврее, которому суждено было уехать в Палестину и именно там принять католичество, я никогда не слышал. Религиозная проза, а именно ее большей частью писал Брандштеттер, вообще находится на периферии читательского внимания, в «слепой зоне»: для верующих она чересчур светская, для атеистов – наоборот. Именно тут, в Праге, я узнал о ее существовании. Слышали ли вы, например, о Брюсе Маршалле, шотландском бухгалтере, аудиторе

и писателе, принявшем католичество и написавшем полтора десятка детективных и исторических романов, причем главными героями их являются чаще всего католические священники и бухгалтеры? Я тоже не слышал до тех пор, пока мне не рассказал о нем преподобный Бенедикт Худема, настоятель костела Святого Войтеха, где в 1874-1877 годах служил органистом Антонин Дворжак. В костел этот я попал совершенно случайно и был с первого взгляда очарован его камерностью и явно присутствующим *Genius loci*. Спустя год после первого визита, лежа в коронавирусном бреде, я вдруг понял, что должен прийти туда, познакомиться с настоятелем и начать помогать костелу – хотя бы тем, что буду убирать в нем. И действительно, первой просьбой настоятеля было пропылесосить ковры и залы на всех этажах. Скажу по секрету – интереснее всего пылесосить второй этаж, там есть орган и зал композитора Богуслава Ферстера.

Нет-нет, я был не один – по субботам в костеле собирается целая группа прихожан, помогающих содержать в порядке построенное еще в XIII веке и потом несколько раз перестроенное здание. Довольно странно присутствовать теперь на субботних завтраках с прихожанами, среди которых я единственный не являюсь католиком.

Бенедикт Худема смог собрать вокруг себя целый круг прекрасных молодых людей. Однажды он рассказал нам о своей любимой книге Маршалла «Plná slávy», и так я узнал о человеке, так похожем на меня, по крайней мере в роде занятий – литература и бухгалтерия. Ни одна книга Маршалла не переведена ни на русский, ни на украинский, в то время как на чешском они переиздаются регулярно.

Теперь она есть и в моей библиотеке.

Прозу же Брандштеттера, к счастью, начали переводить. И как созвучна она моему – по крайней мере сегодняшнему – настроению и способу смотреть на окружающий пейзаж сквозь призму истории...

«Человек, впервые приезжающий в Рим, должен привыкнуть к гегемонии прошлого, которая царит здесь повсюду. Когда мы смотрим на лазурное небо над римским форумом, оно кажется нам еще одним фризом капитолийского храма; покупая фрукты у неаполитанского лоточника, мы с удивлением находим в его лице сходство с помпейской скульптурой, которой только что восхищались в Национальном музее, а крестьянка из римской Кампании с ребенком на руках, в иератическом движении застывшая на повозке, напоминает изображение Божией Матери на апсиде собора Святого Марка в Венеции.

Бездонен колодец прошлого. Следы наших шагов на Виа Сакра путаются со следами римского прохожего, который шел этим же путем две тысячи лет назад, а запах моря на Капри оказывается тем же самым, который вдыхал умирающий Тиберий. Впрочем, мы быстро привыкаем к этому. И когда солнце заходит над Пинчио, нам кажется очевидным, что люди, кружащиеся среди пиний, и пинии, озаренные закатными лучами, созданы из воздушной ткани истории».

Вот еще:

«У каждого дома есть своя жизнь и своя душа. История домов не менее интересна, чем история государственных мужей или полководцев, о которых часто пишут толстые монографии. Бывают дома-долгожители, а бывают такие, которые умирают в молодом возрасте».

И еще:

«Существует связь между человеком и пейзажем. Тот же самый человек кажется нам другим на фоне близкой ему природы, гармонирующей с состоянием его души, и совсем по-иному он выглядит на фоне чуждого ему пейзажа. Между душой человека и родственной ему душой пейзажа существует тесная связь. Душа человека при этом раскрывается, как цветок под лучами солнца, открывает свою плодоносную сущность и являет себя во всей полноте. Природа – как родина, как дом и мать».

Такая же связь существует между человеком и городским пейзажем, городской энергетикой. Города, в которые влюблены одни, совершенно не нравятся другим. Прага в этом отношении город сложный и многослойный. Как-то мы заговорили об этом с Игорем Померанцевым. Я сказал, что Прага напоминает мне

симфонию – настолько различны и по эстетике, и по энергетике разные ее части, и речь даже не о «застывшей музыке» пражской архитектуры, а скорее об общем ощущении города. Игорь ответил тогда, что по сравнению с Одессой, которая, если продолжать разговор о соотношении городов и музыкальных форм, является, вне всякого сомнения, опереттой, Прага действительно гораздо более сложна, и своя энергетика есть у каждого района – можно выбрать себе по душе.

Ну что же, вернемся к «малому кругу». Построенный Янаком Husův sbor – одно из тех зданий, которыми гордятся Винограды. Вообще, Винограды начала прошлого века были Клондайком для талантливых и просто способных архитекторов.

Например, напротив дома на Ходской, в котором жили Гуты, стоит дом, построенный Эмилем Краличеком. Тем самым архитектором, который установил на Юнгманновой площади единственный в Праге кубистический фонарь, спроектировал стоящий на Вацлавской площади отель Zlatá Husa – тот, в котором несколько лет прожил Аркадий Аверченко, а еще построил кварталом выше великолепный дворец Рококо. Еще один шедевр Краличека – дом «Диамант», одна из икон пражской кубистиче-

ской архитектуры, построенный им для семьи адвоката Хоффмейстера, чей сын Адольф стал выдающимся чешским графиком, переводчиком, драматургом. В гостях у Хоффмейстера-сына в «Диаманте» бывали Маяковский, Ле Корбюзье, Филипп Супо, а сам он дружил чуть ли не со всеми чешскими, европейскими и советскими знаменитостями, награжден орденом Почетного легиона, был послом Чехословакии во Франции и вообще влиятельнейшем культурным деятелем, пока не случился 1968 год...

Так вот, авторство Краличека некоторых знаковых пражских домов иногда оспаривается некоторыми специалистами, но по поводу дома «U Reichlu» на нашей Ходской никаких сомнений нет –

прямо на углу его красуется выбитая в камне надпись: «Проект архитектора Эмиля Краличека. Скульптор А. Ваигант».

Более того, два следующих дома по улице Словенской тоже построены Краличеком, на этот раз в соавторстве с Йозефом Веселы. Да уж, такой шанс для архитекторов выпадает раз в столетие, если не реже. Тот же Веселы построил на Виноградах добрый десяток домов, причем в тех случаях, когда он не был автором основного проекта, он осуществлял архитектурный надзор – как, например, при строительстве знаменитого Виноградского театра.

Даже в рамках «малого круга» – это, по сути, по два квартала в каждую от нашего дома сторону – жило немало знаменитостей. В соседнем с нами, тринадцатом номере по Ходской, на пятом этаже почти всю свою жизнь прожил Иржи Шлитр – композитор, написавший более трехсот песен, музыкант, основавший в октябре 1959 года вместе с Иржи Сухим знаменитый театр «Семафор», певец, вошедший в 1964 году в первую двадцатку списка «Золотой соловей», художник, проведший множество выставок. Именно Шлитр с Сухим первыми открыли Карела Готта, днем работавшего электромонтером в той же ĀKD на Высочанах, а вечерами певшего в кафе «Влтава», именно они написали для него первые хиты, именно с «Семафора» началась его первая слава. «Oĉi má snĕhem zaváté», услышав однажды, невозможно забыть. Из никому не известного исполнителя Готт сразу же стал лучшим в республике – и свое первенство не уступал уже никому. И все это благодаря Шлитру и Сухи.

«Дьявол с Виноград» – так шутливо назвал себя Шлитр в одной из песен – сам однажды «Oĉi má snĕhem zaváté» с шуточной концовкой: «И что с того, что живу я сам – Прага, Винограды, Ходская, 13, пятый этаж без лифта...». Соседи за долгие годы так и не смогли с ним познакомиться – говорят, что приходил он домой за полночь, часто с разными девушками, а после его трагической гибели от утечки газа в постели с восемнадцатилетней возлюбленной выяснилось, что он не заплатил за снятый гараж в первом этаже дома, тот самый гараж, который сейчас завален хламом, изрисован граффити, и который снимают местные борцы с насекомыми, проще говоря, дезинсекторы...

Об уровне Шлитра говорит не только то, что он написал с десятком шлягеров, которые чешские исполнители поют до сих пор, но и то, что среди его многочисленных почитателей был, например, Ян Верих.

Тут же, на нашей улице, есть еще две местные достопримечательности. Во-первых, легендарное кафе «Bullerbun», чьи создатели были вдохновлены повестью Астрид Линдгрен «Мы все из Бюллербю». Как так могло получиться – ведь это же одна из моих любимых книг, многожды перечитанная в детстве! Теперь имена Лассе, Боссе, Улле, Анны, Бритты и Лизы я читаю на стенах кафе. Оказывается, в Чехии повесть входит в программу литературы средних школ. Почему же мы вместо этого читали в школе «Преступление и наказание»?

Вторая достопримечательность – старейшая на Виноградах «Kozlovna», небольшая пивная, давно ставшая местом «для своих». Каждый день я вижу из своего окна одних и тех же мужчин и женщин. И даже в новогоднюю ночь все они тут – обязательно до часу ночи. Старая овчарка по имени Дат тоже приходит сюда вместе со своей хозяйкой и послушно лежит у дверей, обычно с семи до десяти вечера.

В нашем одиннадцатом номере по Ходской никто из знаменитостей пока не жил. Хотя две небезызвестные в Праге сто с лишним лет назад фамилии находятся у всех входящих в парадную прямо под ногами. Плитка, сделанная на фабрике легендарных Фердинанда Барты и Карела Тихого, украшает сейчас лучшие дома на Парижской – и наш виноградский дом.

Ну что же, можно, пожалуй, перейти от ближнего к моему дальнему виноградскому кругу.

Он связан уже не с прогулками, а с походами по делам – или в более приятные места, то есть пивные и рестораны.

Ровно в квартале от пивной «Lokal», куда я захожу не реже двух раз в неделю, на углу Корунни и Будечкской стоит вполне пристойный буржуазного вида дом со странной надписью «Křavin» над входом. Именно здесь на первом этаже находилась в 1911 году легендарная господа пана Звержины, в которой собирався исполнительный комитет созданной Ярославом Гашеком и его друзьями «Партии умеренного прогресса в рамках

закона». Манифест партии начинался такими словами: «Как только имперский совет был распущен, наш исполнительный комитет, резиденцией которого является «Коровник» на Краловских Виноградах, вынес постановление принять горячее участие в избирательной кампании, выдвинув своего кандидата; и в «Коровнике» вывесили следующий манифест...»

Именно тут, в «Кравине», в том же 1911 году Гашек зачитал «Доклад о недоброкачественных продуктах и суррогатах», прочел лекцию о национализации дворников; тут же было основано литературное кабаре «У братьев маккавеев», первой театральной постановкой которого стала одноактная пьеса Гашека «Чашка черного кофе», которую он написал на спор тут же, заключив пари о том, что сам сыграет в ней пять ролей.

Глядя сегодня на скучные вывески йога-студии, никак не украшающие окна славного когда-то «Кравина», трудно даже пред-

ставить, что именно здесь в день выборов в австрийский парламент, на которых Гашек был выдвинут как кандидат от нигде не зарегистрированной партии, происходили такие вот бурные события: «Мы чувствовали себя в «Коровнике», словно укротитель среди хищников. <...> Наш голос был гласом вопиющего в пустыне, вокруг которого рыкают львы; мы были словно благоухающий цветок, теснимый со всех сторон сорняками. Мы стояли, словно невинное дитя на крыше затопленного домика, вокруг которого бушует грязный и мутный поток. Мы чувствовали себя, словно заманенная в логово позора невинная девушка, окруженная сводниками. Мы ощущали примерно то же, что человек, случайно севший без брюк на ежа. А вокруг нашей крохотной крепости все гудело от возбужденных голосов политических реакционеров, соблазнившихся велькопоповицким пивом и голосовавших за Хоца, или смиховским пивом в трактире «У Либалов» и голосовавших за Виктора Дыка. По несчастному стечению обстоятельств на нашем избирательном участке подавалось виноградское пиво, наши агитаторы вынуждены были то и дело бегать в уборную, к этому и сводилась вся их агитация избирателей. И вот представьте себе все это вкуче: уборная, коровник, партия умеренного прогресса в рамках закона, кандидат с толстой физиономией, необычная политическая программа, короче, все это не могло окончиться ничем иным, кроме как, выражаясь красивым французским словом, – *débâcle*, крахом».

Не помогли ни лозунги типа таких: «Избиратели, протестуйте избирательными бюллетенями против землетрясения в Мексике!», «Раздам среди своих избирателей триста билетов сербской государственной лотереи, на которые можно выиграть пятнадцать миллионов франков золотом», «Каждый наш избиратель получит карманный аквариум», ни плакат, гласивший: «Примем добродетельного молодого человека для клеветы на конкурентов». На выборах тогда победил кандидат национально-социальной партии Вацлав Хоц, но то, что Гашек выступил кандидатом именно от Виноград, а не от Жижкова, где ему установлен отличный конный

памятник работы Карела Непраша, так изящно пародирующий конный памятник Жижке, греет душу.

Гашек вообще был певцом Виноград. Помните эпизод из «Похождений бравого солдата Швейка», когда Швейк в полицейском участке беседует с милым интеллигентным господином, задержанным за сущий пустяк? Вот этот: «Словом, – продолжал несчастный подчиненный того начальника, который так великолепно справлял свои именины, – когда мы обошли с дюжину различных кабачков, то обнаружили, что начальник-то у нас пропал, хотя мы его загодя привязали на веревочку и водили за собой, как собачонку. Тогда мы отправились его разыскивать и под конец растеряли друг друга. Я очутился в одном из ночных кабачков на Виноградах, в очень приличном заведении, где пил ликер прямо из бутылки. Что я делал потом – не помню... Знаю только, что уже здесь, в комиссариате, когда меня сюда привезли, оба полицейских рапортовали, будто я напился, вел себя непристойно, отколотил одну даму, разрезал перочинным ножом чужую шляпу, которую снял с вешалки, разогнал дамскую капеллу, публично обвинил обер-кельнера в краже двенадцати крон, разбил мраморную доску у столика, за которым сидел, и умышленно плюнул незнакомому господину за соседним столиком в черный кофе. Больше я ничего не делал... по крайней мере не помню, чтобы я еще что-нибудь натворил... Поверьте мне, я порядочный интеллигентный человек и ни о чем другом не думаю, как только о своей семье».

И опять все дело происходило на Виноградах. Мало того, что это готовый сценарий для празднования дня рождения начальника отдела – у Гашека в этом эпизоде есть одно удивительное совпадение, опять же связанное с Виноградами. Когда выяснилось, что у разбушевавшегося ночью господина целых пять детей, причем старший из них – скаут, Швейк разразился такой тирадой: «Он скаут? – воскликнул Швейк. – Люблю слушать про скаутов! Однажды в Мыловарах под Зливой, в районе Глубокой, округ Чешских Будейовиц, как раз когда наш Девяносто первый полк был там на учении, окрестные крестьяне устроили облаву на скаутов, которых очень много развелось в крестьянском лесу. Поймали они трех. И представьте себе, самый маленький из них,

когда его взяли, так отчаянно визжал и плакал, что мы, бывалые солдаты, не могли без жалости на него смотреть, не выдержали... и отошли в сторону. Пока их связывали, эти три скаута искусили восемь крестьян. Потом под розгами старосты они признались, что во всей округе нет ни одного луга, которого бы они не измяли, греясь на солнце».

И надо же – ровно в квартале от «Кравина», в доме номер шестнадцать по Корунни почти всю свою жизнь прожил один из главных организаторов скаутского движения, прекрасный человек и замечательный писатель Ярослав Фоглар, чьи рассказы о «Быстрых стрелах» или «Тайну головоломки» читал в свое время чуть ли не каждый чешский подросток.

Вселенная Виноград постоянно и обильно пересекается со вселенной Гашека. И даже я, неофит, постоянно умудряюсь находить точки соприкосновения с этими вселенными. Вот лишь один пример – во дворе того самого дома на Фюгнеровой площади, куда я спустя двадцать семь лет после первого раза вновь пошел на бухгалтерские курсы, произошел вот этот замечательный эпизод из походов Швейка:

«Вольноопределяющийся затих, потом начал вертеться под одеялом и наконец спросил:

– Вы спите, товарищ?

– Не спится, – ответил Швейк со своей койки, – размышляю...

– О чем же вы размышляете, товарищ?

– О большой серебряной медали «За храбрость», которую получил столяр с Вавровой улицы на Краловских Виноградах по фамилии Мличко; ему первому из полка в самом начале войны оторвало снарядам ногу. Он бесплатно получил искусственную ногу и начал повсюду хвалиться своей медалью: хвастал, что он самый что ни на есть первый инвалид в полку. Однажды пришел

он в трактир «Аполлон» на Виноградах и затеял там ссору с мясниками с боен. В драке ему оторвали искусственную ногу и трахнули этой ногой по башке, а тот, который оторвал ее, не знал, что она искусственная... и с перепугу упал в обморок. В участке столяру ногу опять приделали, но с той поры он разозлился на свою большую серебряную медаль «За храбрость» и понес ее закладывать в ломбард. Там его сцапали, и пошли неприятности. Существует какой-то там суд чести для инвалидов войны, и этот суд постановил отобрать у него эту серебряную медаль и, кроме того, присудил отобрать и ногу...»

Знал бы я, что трактир «Аполлон» находился как раз во дворе здания моих курсов, то, ей-богу, учился бы с двойным усердием!

Когда я иду по делам в нашу Виноградскую ратушу, а это происходит частенько, то вспоминаю ответ чиновника из юморески Гашека о том, как старухе Графнеровой отказали в просьбе принять ее в богадельню – ну как же, ей даже не исполнилось восьмидесяти восьми лет, из справки врача явствовало, что «она совершенно здорова, так как страдает только ревматизмом, воспалением почек, камнями в печени, катаром желудка, пороком сердца и другими пустячными недомоганиями», и радуюсь тому, что сегодняшние чиновники работают несколько более эффективно.

Вообще, конечно, связь с Гашеком у меня наитеснейшая – ведь его в свое время «зарезали» в Одессе пьяные матросы, причем зарезали не где-нибудь, а в нашем знаменитом «Гамбринусе», директором которого работает мой одноклассник. Тут, как говорится, никаких комментариев не требуется.

Помимо ратуши на площади Мира есть несколько важнейших мест. В здешнем неоготическом соборе Святой Людмилы венчались и Йозеф Чапек, и все тот же Гашек, в театре на Виноградах снимали один из самых моих любимых фильмов, «Иллюзионист», а в Народном доме выступали Маяковский и Бунин. Бунин выступил тут с докладом о творчестве Льва Толстого 23 октября 1936 года, но ничего о пражском вечере никогда не написал, разве что упомянул его в письме в редакцию «Последних новостей», в котором жаловался на отвратительное отношение к нему германских таможенников на обратном пути во Францию. Маяков-

ский же, выступавший тут 23 апреля 1927 года, наоборот, красочно описал свою поездку: «Большой вечер в «Виноградском народном доме». Мест на 700. Были проданы все билеты, потом корешки, потом входили просто, потом просто уходили, не получив места. Было около 1500 человек. Я прочел доклад «10 лет 10-ти поэтов». Потом были читаны «150 000 000» в переводе проф. Матезиуса. 3-я часть – «Я и мои стихи». В перерыве подписывал книги. Штук триста. Скучная и трудная работа...».

В отличие от Бунина, почитателей у него в Праге было множество. Зал этот – действительно на семьсот мест – по сю пору носит имя Маяковского.

Мы с друзьями тоже частенько ходим в Народный дом. Причина проста – сегодня в первом этаже находится бельгийская brasserie BRUXX, куда дважды в неделю привозят из Голландии свежие мидии и устрицы и где можно выпить отличное бельгийское пиво. Тем, кто в Праге впервые, я обязательно рассказываю о Маяковском – это придает трапезе более возвышенный, интеллектуальный характер.

В квартале оттуда, почти на углу Английской и Бальбиновой, до сих пор работает и прекрасно себя чувствует господа «У золотого литра», вход которой украшен мемориальной доской с надписью о том, что именно здесь (скорее всего, в 1906 году) была основана уже описанная выше «Партия умеренного прогресса в рамках закона». Почти напротив – отделение банка «Česká spořitelna», банка с самыми красивыми в Праге отделениями, почти каждое из которых является архитектурным шедевром. Отделение на Английской, войти в которое можно и с Югославской, украшено фресками Франтишека Якуба и Вацлава Кеймара, а проект самого помещения банка разработан великим Освальдом Поливкой. Неудивительно, что в роскошном холле возле фонтана всегда можно найти и взять себе на память иллюстрированную брошюру, посвященную истории создания этого отделения. У меня их уже с десяток.

Дойдя до угла Английской и Лондонской (в Одессе я регулярно оказывался на углу Тенистой и Солнечной, а в Праге выходят какие-то британские совпадения), я либо иду дальше, в кафе «Деминка» (ну что им мешает изменить в названии одну букву?), где

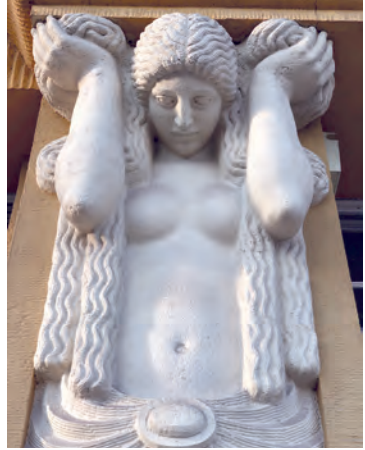
в свое время встречались Кафка с Гашеком, а я встречаюсь в основном с куриным шницелем, либо же поворачиваю налево, в бистро к давнему одесскому знакомому Юре Колеснику. А мимо отеля «Беранек», куда я раньше специально приезжал с другого конца города, чтобы со священным трепетом его сфотографировать, – еще бы, тут бывали Цветаева и Набоков, Горький и Северянин, Берберова и Ходасевич, а младший сын Виктора Васнецова Михаил наконец чудесным образом встретил вырвавшихся в 1925 году из Одессы и потом Москвы

жену с сыном – я теперь пробегаю, торопясь в аптеку. Пробегаю, но все равно уважительно ему кланяюсь – разумеется, незаметно для окружающих.

Другой мой виноградский маршрут пролегает по улице Яна Масарика мимо бывшей президентской виллы, и дальше через чудесную Америцку площадь с фонтаном на Лондинску – туда я отвожу в детский сад дочку. От детского сада до знаменитой школы, в которой учились два чешских президента, всего квартал, но какой! В доме номер тридцать находился сто лет назад клуб «Русская беседа», в котором состоялось 20 ноября 1922 года первое публичное выступление Марины Цветаевой после ее приезда в Чехословакию. А в доме напротив (Londýnská 217/33) жил академик Владимир Андреевич Францев; именно он выдвинул в 1933 году на соискание Нобелевской премии по литературе Ивана Бунина.

Надо признаться, что ходить по нашим Виничным горам, засаженным в 1358 году по указу Карла IV виноградниками, да так, что «весь ландшафт к востоку от Праги, от Нусельского удоли до последнего склона Виткова, был засажен виноградной лозой», порой непросто, особенно после обеда с пивом. Добраться из точ-

ки А в точку В часто можно разными маршрутами, и опытные ходки выбирают те, что проходят по более ровным местам.

Одно из таких «ровных мест» и заодно третий маршрут «большого круга» – площадь Иржи из Подебрад, легендарная Джей-зипи – экспатам сложно выговорить чешское имя Иржи. Сюда я хожу на устраиваемые Александром Морозовым в «Пельменарне» лекции, на завтраки в «Safefin» или «Le Caveau», на рынок за овощами, любясь каждый раз не похожим ни на какой другой костелом Пресвятого Сердца Господня, шедевром словенца Йоже Плечника, который не только стал главным архитектором в Любляне, но и модернизировал по просьбе Масарика Пражский град. Плечник даже использовал некоторые обломки от собора Святого Вита в устройстве крипты.

Рядом, в садах Сватоплука Чеха, можно не только устроить отличный пикник, но и освежиться в жаркий летний день в только что построенных фонтанах. Если при этом читать цитаты из произведений Чеха, выбитых тут же в металле, то сам он, стоящий рядом, запечатленный в бронзе Яном Штурсой (жившим, кстати, тоже на Виноградах, на площади Мира), будет глядеть не так уж строго.

Ну а четвертый маршрут – это прогулка по лучшим в Праге Гавличковым садам. Тем самым, о которых многократно цитируемый Гашек писал так: «На окраине Виноградов, ближе к Вршовицам, и расположились те самые удивительные Гавличковы сады – бывшее владение немца Гребе, который вложил высосанные из чешского народа деньги в свое блестящее начинание и создал на склоне Нусельской долины самый прелестный парк в Праге. Сотни тысяч истратил он на это дело, чтобы потом его виллу и роскошные сады арендовала княжеская чета Виндишгрецов, и наконец виноградский магистрат выкупил этот парк у их наследников и сделал общественным достоянием, дабы всяк желающий мог вдоволь надышаться чудесным воздухом, погулять здесь, где ароматы цветов, запахи хвои и лиственных деревьев в разнообразнейших его уголках как бы переносят посетителя в мир настоящей природы, прочь от городского шума в сельскую тишь, чтобы каждый налюбовался (какое же это в общем невыразительное слово: *налюбовался*) тем, что сильнее всего действует на душу: зеленью деревьев, изумрудной травой, короче, тем,

что находит отзвук в сердцах истинных любителей природы, для которых лес – не сажени древесины, а луг – не центнеры сена. Чтобы люди могли послушать пение птиц, посмотреть на скалы, пещеры, фонтаны и пруды, хоть и искусственные, но выполненные так умело, что повторяют капризы природы в мельчайших подробностях».

И хотя в остальной части своего фельетона, который так и называется, «В Гавличковых садах», он в своей привычной язвительной, а в этом фельетоне еще и совершенно зощенковской манере высмеивает «их нравы», а точнее – нравы тогдашних обывателей, семей Павлоусковых и Боусковых, – восхищение лучшими в Праге садами скрыть все равно не может.

Как не смог и я, попав сюда впервые много лет назад и сразу решив, что хочу жить где-то рядом, а лучше – совсем рядом.

Сегодня в Гавличковых садах летом танцуют по выходным бачату и танго и смотрят театральные представления, зимой катаются на катке, а осенью происходит главное местное событие – Vinobrání na Grébovce, сбор винограда с растущих тут двенадцати тысяч кустов, последних кустов, растущих тут, на Королевских Виноградах, чья славная история включает в себя годы, когда они были отдельным самостоятельным городом, причем четвертым по численности городом в Богемии.

«Мои» Винограды – это и расположенные на месте старых виноградников Ригровы сады с потрясающим видом на Прагу и находящимся рядом, на Шопеновой улице, необычным домом Лайхтера, построенном по проекту Яна Котеры; и легендарный «Český rozhlas», куда меня иногда приглашают на запись; и даже деревянное фотоателье великого фотографа Йозефа Судека, перенесенное из Виноград на Малу Страну.

В общем, я мог бы смело перефразировать знаменитое высказывание Хемингуэя о Париже, отнеся его к Виноградом.

